

И.В. Луговая

«Замолкни, Муза мести и печали!..»

Образ музы имеет глубокие и очень древние корни. В русскую поэзию он пришел из античной литературы, где поэзия считалась делом божественным: художнику-творцу помогала муза, посланница неба, появление ее было знаком избранности, высочайшего предназначения человека. У каждого вида искусства была своя муза-покровительница. Поэту помогала Каллиопа. Обращение к ней в самом стихотворном тексте было своего рода ритуалом. Эту традицию впоследствии продолжила литература классицизма, которая во всем ориентировалась на античные образы. Есть образ музы и в романтической поэзии, трактовавшей труд художника как чистое служение Богу и Духу. Здесь муза обретает черты «прекрасной девы», «чистого гения», «таинственной незнакомки». Обращаясь к такой музе, художник неизменно уходит от конкретики образа, и это вполне естественно: ведь она — существо другого мира, она эфирна, непостижима, непредсказуема и подвластна неведомым простым смертным законам духовной жизни. К середине XIX века муза совершенно «теряет популярность» и сходит «со сцены». Появление ее в поэзии 1840-х довольно неожиданно. Но Некрасову необходимо было утвердить особое место своей поэзии, дать понять, что роль, которую играет она в обществе, — исключительна и ни на что не похожа. Нетрадиционное решение привычного для читательского сознания образа стало знаком перемены, началом новой традиции. Некрасов являлся родоначальником особой поэзии — поэзии социальной, для которой нет запретных и непоэтических тем. Суть настойчивого обращения к музе, закономерность ее появления в поэтическом мире Некрасова состоит в том, что он хочет показать и доказать всем, что его дело освящено, что «в самых высоких инстанциях» ему выпало быть поэтом и писать о самом больном и страшном в жизни народа.